

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

**XXV МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ
СТРАН АЗИИ И АФРИКИ**

**«ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И АФРИКАНИСТИКА
В ДИАЛОГЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ»**

22–24 апреля 2009

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

**Санкт-Петербург
2009**

СЕКЦИЯ 13.
ЯЗЫКИ СТРАН АЗИИ – ПРОШЛОЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ
LANGUAGES OF ASIA AND AFRICA – PAST AND PRESENT

*В.Д.Аткнин, А.А.Бурыкин (ИЛИ РАН, СПб), А.Х.Гирфанова
(СПбГУ), Д.М.Насилов (ИСАА МГУ, Москва), Э.У.Омакаева
(Калмыцкий институт гуманитарных исследований, Элиста)*

Петербургская алтаистика: XX век¹

Петербург и его научные учреждения – Санкт-Петербургский (Ленинградский) Государственный Университет, Институт языка и мышления (ЛО ИЯ АН СССР, ИЛИ РАН), Институт востоковедения (ИВР РАН), Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) по праву могут считаться теми, кому принадлежит создание отечественной алтаистики, науки о языках Центральной Азии, Сибири и Дальнего Востока, объединяемых в семью алтайских языков. История исследований языков этой семьи и говорящих на них народов, связанная с деятельностью петербургских (ленинградских) ученых, подразделяется на три периода:

Первый период – это 1900–1941 годы, время построения парадигмы сравнительно-исторического изучения алтайских языков и накопления фактического материала по отдельным тюркским, монгольским, тунгусо-маньчжурским, а также корейскому и японскому языкам и их диалектам. Второй период – 1941–1957 годы, время воссоздания восточного факультета ЛГУ, недолгое существование факультета народов Севера в ЛГУ, оформление центра тунгусо-маньчжуроведения на ФНКС в ЛГПИ им. Герцена и появление интереса к алтаистике в ЛО ИЯ АН СССР. Третий период истории петербургской алтаистики связан с деятельностью сектора (отдела) алтайских языков ЛО ИЯ АН СССР (ИЛИ РАН) и охватывает 1957–2003 годы.

В первый период развития алтаистики в Петербурге основа сравнительно-исторического изучения алтайских языков закладывается в трудах П.М.Мелиоранского, А.Н.Самойловича, Б.Я.Владимирцова, ранних работах Н.Н.Поппе, отдельных статьях Е.Д.Поливанова, а также работах Г.Рамстедта, поддерживавшего связи с петербургскими учеными, и трудах С.М.Широкогорова, продолжавшего работу в Китае. Изучению материала по отдельным языкам и диалектам посвящены труды С.Е.Малова, Н.П.Дыренковой, Н.К.Дмитриева, А.Н.Кононова (тюркские языки), Н.Н.Поппе (монгольские и тунгусо-маньчжурские

¹ Работа выполнена по гранту РГНФ 08-04-00449а.

языки), а также работы тунгусо-маньчжуроведов, работавших в 1930-е годы в Институте народов Севера (Г.М.Василевич, В.И.Цинциус, В.А.Горцевская, Е.П.Лебедева, О.А.Константинова и др.).

Итогами этого периода являются книга Б.Я.Владимирцова «Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия» (1929), тюркологические работы А.Н.Самойловича, ряд трудов Н.Н.Поппе по монгольским языкам и два обобщающих труда по сравнительному тунгусо-маньчжуроведению – «Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков» В.И.Цинциус (издана в 1949 г.) и весьма близкий к ней по концепции и фактическому материалу словарь С.М.Широкогорова «A Tungus Dictionary» (1944). Эти работы сформировали представления об истории тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, чем определили направления дальнейших исследований.

Начало второго периода истории алтаистики в Петербурге связано с деструктивным для науки военным временем. Знаковым для 1940-х годов явлением оказывается начало тюркологических штудий ученых, находившихся в эвакуации (В.М.Жирмунский, А.С.Орлов). В 1944 году в ЛГУ воссоздается восточный факультет, позднее создается Факультет народов Севера – события, стимулировавшие изучение тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, корейского и японского языков. В это время публикуются грамматики узбекского языка А.Н.Кононова (1948), грамматика башкирского языка Н.К.Дмитриева (1948), издания древнетюркских рунических памятников С.Е.Малова (1951–1952, 1959). Со второй половины 1940-х годов в Ленинграде – в ЛГУ и в Институте языка и мышления (позднее ЛО ИЯ АН СССР) бурно развивается тунгусо-маньчжуроведение: выходят описательные грамматики эвенского языка (В.И.Цинциус, 1947), грамматика нанайского языка (В.А.Аврорин, 1959–1961), многочисленные словари по эвенкийскому, эвенскому, нанайскому языкам. Появляются труды А.А.Холодовича по японскому и корейскому языкам, вышла в свет книга Е.М.Колпакчи «Очерки по истории японского языка» (1956). Перевод книги Г.Рамстедта «Грамматика корейского языка» (1951) привлек внимание к личности и трудам Г.Рамстедта, что обусловило в дальнейшем появление русского издания его книги «Введение в алтайское языкознание» (1957).

Завершение этого периода в истории алтаистики совпадает с изданием «Грамматики современного турецкого литературного языка» А.Н.Кононова (1956), завершением жизненного пути С.Е.Малова (1957) и созданием в 1957 г. отдела алтайских языков в ЛО ИЯ АН СССР.

В период с конца 1950-х до конца 1990-х годов в Ленинграде продолжается изучение языков алтайской семьи. В этот период в ЛГУ и ЛО ИВ АН СССР создаются труды по тюркологии (А.Н.Кононов, С.Н.Иванов, В.Г.Кондратьев), а также исследования В.Г.Гузева, сформировавшие новую парадигму в изучении строя тюркских языков. Монголоведение этого времени представлено работами Л.К.Герасимович, З.К.Касьяненко, позднее Е.А.Кузьменкова и Н.С.Яхонтовой. В целом же этот третий период истории алтаистики в Ленинграде-Петербурге связан с деятельностью сектора (позднее – отдела) алтайских языков ЛО ИЯ АН СССР, созданном в 1957 г. и существовавшим в ИЛИ РАН до сентября 2003 г.

Фундаментальными лексикографическими проектами, выполненными в секторе алтайских языков, являются «Древнетюркский словарь» (1969) и «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков» (1975–1977). Событиями в науке стали сборники «Проблема общности алтайских языков» (1971), «Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков» (1972), «Исследования в области этимологии алтайских языков» (1979), «Алтайские этимологии» (1984), «Очерки сравнительной морфологии алтайских языков» (1978). В 1960-е годы материал тюркских и тунгусо-маньчжурских языков привлекается в многочисленных дискуссиях, а позднее, с 1980-х годов, активно используется в типологических исследованиях. Продолжаются полевые исследования, прежде всего по тунгусо-маньчжурским языкам, особенно интенсивные с 1976 по 1991 годы. Исследования грамматики алтайских языков представлены работами Д.М.Насилова и С.Л.Чарекова.

С сектором алтайских языков была связана большая часть жизни и деятельности А.М.Щербака (1926–2008), автора ряда монографий по сравнительно-исторической фонетике и грамматике тюркских языков, а также различным проблемам тюркологии. А.М.Щербак был принципиальным противником теории родства алтайских языков, однако же доказать отсутствие родства алтайских языков А.М.Щербаку не удалось, а задача обоснования какого-либо альтернативного отдаленного родства тюркских языков им и вовсе не ставилась.

Динамика развития алтаистических идей в отделе по ряду причин не дала заметных результатов. Постепенно центр алтаистических исследований в 1980-е-1990-е годы сместился из Петербурга в Москву. 2003 год оказался отмеченным для отечественной алтаистики двумя событиями – объединением отдела алтайских языков с отделом палеоазиатских языков ИЛИ РАН в Отдел языков народов России и выходом в свет долгожданного сравнительно-исторического словаря

алтайских языков, составленного С.А.Старостиным, А.В.Дыбо и О.А.Мудраком (An Etymological dictionary of the Altaic languages (Vol. 1–3. Leiden, 2003), работа над которым велась около 20 лет вне организующих рамок и без помех, создаваемых для науки организационной системой.

Халил Ачыкгёз

(Стамбульский университет)

Проблемы терминологии сложных глаголов в турецком языке

Студентам, изучающим турецкий язык как иностранный, довольно сложными и запутанными кажутся спряжения турецких глаголов и сложные глагольные конструкции, т.к. они сталкиваются с различными формами, которые отсутствуют в их родных языках. Например, такие емкие по значению, но при этом выраженные одним единственным словом предложения в турецком языке, как «*Gelmiyormuşsunuzdur*», на другие языки переводятся обязательно посредством нескольких слов. Практически такие формы легко расчленишь на аффиксы, «приклеенные» к основе слова – «*i+yor+muş+[sunuz]+dur*». Здесь аффиксы, обозначающие различные времена «*-yor*», «*-muş*» и «*-dur*», были нанизаны друг за другом к основе и организовали своеобразное сложное время, которое называется термином «*birleşik zaman*».

В Европе уже с XVIII века можно было найти учебники турецкого языка. При объяснении турецкой грамматики их авторы использовали грамматические средства своих собственных языков, т.к. эти книги были адресованы торговцам, дипломатам, туристам, военным и т.д. Поскольку в трудах европейских лингвистов применялась система спряжения простых (*basit zaman çekimi*) и сложных временных форм (*birleşik zaman çekimi*), соответствующие примеры приводились и из турецкого языка. Такая практика в Европе продолжалась вплоть до конца XIX века, кочуя из одного учебника турецкого языка в другой. Современные грамматики турецкого языка также содержат данный шаблон, ибо их авторы слепо следуют своим предшественникам. Как указывает Жан Дени (Jean Deny), большинство этих книг написаны под влиянием структуры других, нетюркских языков. Но даже он был вынужден применять старый шаблон «*birleşik zaman çekimi*» по отношению к сложным временным конструкциям, и, к сожалению, некоторые лингвисты Турции в настоящее время повторяют это за ним.

Существует необходимость пересмотреть проблему терминологии сложных глагольных конструкций в турецкой грамматике. Активно употребляемые формы, типа «*gelmişmişim, gelmiştim, gelecektim, gelirdim, geliyordum, gelmekteydim*» и т.д., могут ли быть названы

термином «*birleşik zaman çekimi*»? В своем выступлении мы хотим осветить данный вопрос.

А.С.Аврутина
(ВФ СПбГУ)

К вопросу о существовании фонемы [ɣ] в современном турецком языке и о ее соотношении с графемой современного турецкого алфавита «ğ»

В специальной литературе остается дискуссионным вопрос, является ли звонкий заднеязычный спирант [ɣ], передаваемый в современной турецкой графике знаком «ğ», самостоятельной фонемой или аллофоном согласной [g].

Следует иметь в виду, что на язык тюрков Малой Азии (XI–XIX вв.), к которому восходит современный турецкий, оказывали большое влияние арабская и персидская культуры, что сказалось на лексическом составе турецкого языка, в котором выделяют слой тюркских и слой арабо-персидских заимствований (Дмитриев Н.К. 1960. С.12). Фонология тюркских слов и иноязычных заимствований была (и остается) различной. Использование арабо-персидских слов было (и остается) сходным с использованием иностранного языка (Nemeth J. 1953. S. 153–199). Поэтому этот лексический пласт не играет важной роли для решения вопроса, сформулированного выше.

В пределах тюркского пласта [g] и [ɣ], звонкие смычный и спирант, в словах с гласными заднего ряда находятся в отношении дополнительного распределения: [g] произносится в начале слова перед гласными или в середине слова после сонантов или спирантов (например, *gırtlak* «глотка», *yangın* «пожар», *azgın* «разъяренный»), а [ɣ] – в интер- и поствокальной позициях (например, *yağ* «масло», *ağaç* «дерево»). В переднерядных словах фон [g'] функционирует в тех позициях, где артикуляция [ɣ'] невозможна, а именно в анлауте, перед гласным (*gerek* «необходимо»), после сонанта (*yenilgi* «поражение») или спиранта (*sezgi* «предчувствие»), в то время как в инлауте в интер- и поствокальной позициях [ɣ] реализуется как звук [ɣ'], что трактуется исследователями как среднеязычный спирант [j]. Факультативно, в просторечии и диалектах, ее аллофоническая реализация сводится к возникновению гортанной смычки. Поэтому традиционно считается, что фонема [ɣ], представленная на письме знаком «ğ», в современном турецком языке отсутствует. Ссылаются и на то, что она (если данный согласный все же считать фонемой) не обладает отчетливо артикулируемым «функционально эквивалентным фоном» (Касевич В.Б. 1983. С. 59 и сл., 33–67, 41).

В османской графике вместо знака «ğ», введенного вместе с латинским алфавитом во время реформы 1928 года, для заднерядных слов использовалась графема «ġ», а для переднерядных – «ġ», и функционирование этих знаков свидетельствует, возможно, о том, что для носителя языка обозначаемые ими звуки были не идентичны.

В современном тюркском пласте лексики начинают появляться отдельные единицы, в которых нарушается принцип дополнительного распределения фонем [g] и [ɣ]: например, минимальная пара ege (men) «господствующий» и eġe «напильник». Это, вкуче с созданной в новом, на базе латиницы, алфавите графемой для передачи предполагаемой фонологической единицы, позволяет думать, что фонема [ɣ], возможно, находится в современном языке еще на стадии становления, то есть фонологизации аллофона – превращения щелевых аллофонов [ɣ] и [ɣ'] в самостоятельную фонему.

О.А.Берникова
(ВФ СПбГУ)

Проблемы формализации арабского языка в контексте развития информационного общества

Современные тенденции развития информационного общества характеризуются международным взаимодействием производственно-технических, экономических, социологических, научно-технических и информационных явлений. Глобализация многофакторного взаимодействия осуществляется посредством языка – инструмента коммуникации. Интенсификация межкультурного взаимодействия на различных уровнях вызывает необходимость снятия «языкового барьера», что может быть обеспечено автоматизированными системами устного и письменного перевода и улучшением функционирования многоязычных поисковых систем.

Имеющиеся и все совершенствующиеся технологические решения для реализации такого рода задач способствуют пересмотру подхода к методологии проведения экспериментальных лингвистических исследований в целом, а также принципам и методам лингвистического анализа в частности. Своеобразие современной ситуации состоит и в том, что акцент применения результатов лингвистического анализа смещен в сторону их практической реализации. Последнее может быть нацелено и на оптимизацию использования информационных ресурсов при проведении научных исследований.

Лингвистические программные продукты, ориентированные на совершенствование качества поисковых функций и адекватный

машинный перевод, должны обеспечивать оптимизацию обработки языковых данных. Несмотря на наметившийся за последние годы прогресс в данном направлении, имеющиеся сегодня возможности для арабского языка все еще не удовлетворяют потребностям информационного общества и отстают от аналогичных решений для европейских языков. По оценкам ЮНЕСКО, доля информационного наполнения Всемирной сети на арабском языке не соответствует его значимости и распространенности в мире¹.

Для обеспечения высокого качества создаваемых программ структурная формализация языка должна носить гибкий и комплексный характер. Изучение имеющихся методик лингвистического анализа, опыт составления свода морфологической парадигмы арабского языка, словарей и корпуса текстов позволяет разработать языковую модель, которая являлась бы источником, с одной стороны, для разработки и совершенствования технологии машинного перевода, поисковых систем, создания лингвистических программных продуктов, а с другой стороны, содержала бы максимальный объем информации для проведения лингвистических исследований, как в рамках одного языка, так и типологического характера. Предлагаемая модель концентрируется на взаимодействии морфологической базы, тематически маркированного словаря, корпуса глоссированных текстов. Каждый из представленных элементов несет свою функциональную нагрузку, однако лишь их комплексная интеграция может способствовать совершенствованию разрабатываемых технологических решений для арабского языка.

В.А.Богушевская
(ИСАА МГУ, Москва)

Многозначные цветные термины китайского языка

Физиологически человеческий глаз способен различать сотни тысяч цветных оттенков. При этом цветные обозначения в отдельных языках не всегда можно поставить в абсолютное соответствие друг с другом. Так, в русском языке *голубой* и *синий* – разные цвета, в английском они передаются одним словом – *blue*. В африканском языке ндембу существуют только три слова для обозначения цветов, которые можно перевести на русский словами «белый», «красный» и «черный», все остальные цвета передаются описательными выражениями.

Явление многозначности цветообозначений объясняется

¹http://portal.unesco.org/ci/fr/files/7868/10480857832ifap_2003_council_ii_3.pdf/ifap_2003_council_ii_3.pdf. 15.05.2008.

особенностями внутренней структуры языков и спецификой культур. В китайском языке к многозначным цветовым терминам относится *qīng*, служащий для обозначения зеленого, синего и черного цветов. Науке известны случаи, когда в языке той или иной культуры не различаются зеленый и синий цвета, исследователями был даже введен термин 'grue' как симбиоз английских цветовых терминов *green* и *blue*. Это явление наблюдается в прасемитских языках, в древнегреческом и в санскрите, в мезоамериканских и индийских, в тюркских, кельтских языках, в финском, а также в некоторых диалектах итальянского языка. Своеобразие китайского цветоименования *qīng* заключается в том, что кроме зеленого и синего, он обозначает еще и черный цвет. В докладе будут подробно проанализированы все существующие значения цветовых терминов группы *qīng*, проиллюстрированы примерами из древнекитайского и современного китайского языка, рассмотрены с учетом мнений китайских, западных и отечественных лингвистов, а также выдвинуты версии по поводу причин их синкретизма.

М.Э.Дубровина
(ВФ СПбГУ)

К вопросу об эволюции тюркской категории склонения (на материале памятников древнетюркской рунической письменности)

Язык древнейших тюркских надписей (язык ДТРП) признается языком, максимально чистым от иноязычных влияний в сфере морфологии, что позволяет на основании его фактов выявить некоторые общие строевые особенности и закономерности функционирования различных категорий в общетюркском плане.

Отправной точкой для теоретического осмысления фактов языка ДТРП берется концепция, согласно которой строй этого языка формируется под влиянием определенной детерминанты – принципа экономии служебных элементов¹.

Допускается, что экономия служебных элементов в своем крайнем проявлении приводит к так называемому корневному языку, в котором вся служебная информация передавалась с помощью самостоятельных лексем, корней-основ.

¹ См. напр.: Мельников Г.П. Синтаксический строй тюркских языков с позиций системной лингвистики // Народы Азии и Африки. М., 1969. № 6. С. 105.

Падеж – это морфологическое средство указания на какую-либо разновидность связи предметов с другими предметами или действиями¹.

В языке ДТРП категория падежа исторически складывалась по влиянию тенденции, с одной стороны, передавать информацию наиболее экономичным способом, а с другой – грамматически выражать прежде всего те связи, которые являются менее всего предсказуемыми для носителя. На основании фактов выдвигается гипотеза об «обратной» (относительно индоевропейской) эволюции падежей в тюркских языках. Сначала возникает общий «объектный» падеж, полифункциональный по своей сути, конкретизация типа связи происходит на уровне смысла, путем «догадывания» коммуникантом о типе объекта в опоре на контекст. Затем происходит вычленение более специализированных падежей, самым архаичным признается падеж с сопроводительной семантикой (в его значении оказываются совмещенными смыслы орудия действия, соучастника действия и прочие обстоятельства). Следующим формируется общий пространственный падеж (прообраз дательно-местно-исходного падежа). Винительный падеж в системе языка руники «работает» как морфологический сигнал об уникальном прямом объекте, который полностью охватывается действием. Возможность «опущения» этого аффикса свидетельствует о его более позднем происхождении. Родительный же падеж в синхронии языка ДТРП еще пребывает в состоянии формирования, отработки, т.е. можно предполагать, что он является наиболее поздним падежным средством в общетюркском плане.

Основной (именительный) падеж в языке ДТРП отсутствует.

Г.Б.Дудченко

(ИФ СПбГУ)

*Изучение русского языка на востоке провинции Хэйлунцзян
(90-е годы XX в. – начало XXI в.)*

Для Китая в целом в рассматриваемый период характерно снижение общей численности школьников и студентов, изучающих русский язык. По данным Китайской ассоциации преподавателей русского языка и литературы, в 80-е годы в системе среднего образования Китая русский язык изучали более 300 тыс. чел., в начале XXI в. – около 70 тыс. Наибольшее распространение по всем показателям русский язык сохранил в пров. Хэйлунцзян. В 2003–2004

¹ Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения. Имя. Л., 1987. С. 101.

гг. его изучали более 37 тыс. школьников, хотя это 1,5 % всех учащихся средних школ.

Провинция Хэйлунцзян знаменита одними из крупнейших в Китае центрами русистики, большинство из них находится в западной части – в Харбине и Цицикаре. Однако на востоке провинции тоже появились перспективы в распространении знаний русского языка, вызванные, прежде всего, практическими потребностями. В этом районе расположено 8 переходов на границе с Россией. Ряд приграничных городов существуют и развиваются за счет внешней экономической деятельности и туризма: Суйфэньхэ, Дуннин, Мишань, Хулинь, Фуюань, Тунцзян. Международным связям способствует близкое расположение к наиболее густонаселенным и освоенным районам российского Дальнего Востока.

В связи с этим в данном районе на предмет изучения русского языка сложилась картина, отличная от тенденций, общих для КНР. В Тунцзяне русский язык введен во всех трех школах наряду с английским. В одной из них 2000 учеников, из которых 800 изучают русский. В 2006 г. в городах Суйфэньхэ и Цинъянь число изучающих русский язык превысило число изучающих английский язык. При том, что во всей КНР английский язык изучают 90 % студентов и школьников.

В вузах и средних специальных учебных заведениях на востоке пров. Хэйлунцзян русский язык также изучается, и как специальность (университеты и пединституты в Муданьцзяне, Цзиси, Цзямусы), и как иностранный язык на других специальностях.

А.Е.Кибрик
(МГУ, Москва)

Из истории документации северокавказских языков¹

На отделении теоретической (структурной) и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ с 1967 года существует более сорока лет традиция изучения малых языков, в значительной степени связанная с документацией северокавказских языков. С самого начала в основу исследования были положены грамматические характеристики языка, тесно связанные с лексикой и текстами. Документация опиралась на имеющиеся технические средства: магнитофоны, перфокарты и рейтеркарты. Были созданы два грамматических описания одноаульных языков – хиналугского (1972) и

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант 08–06–00345а и NSF, грант №0553546.

арчинского (1977). На каждом из этих языков говорит немногим более тысячи человек.

В 90-е годы были созданы описания годоберинского (1996), цахурского (1999) и багвалинского (2001) языков. В отличие от описаний 70-х годов, широко использовались компьютерные технологии и документация текстов и грамматических примеров осуществлялась с использованием морфемного членения и подстрочного глоссирования.

В начале XXI века стало возможным документировать языковую деятельность с помощью аудио- и видеозаписи и хранить информацию в сети Интернет. Поэтому с 2005 года началась работа над масштабным международным проектом, целью которого является модернизация ранее документированных описаний. Этот проект предполагает создание современных ресурсов, документирующих хиналугский, арчинский и алыторский языки (последний относится к чукотско-камчатской семье и находится на грани исчезновения; данные по этому языку также были собраны в 70-е годы).

В докладе будут освещены лингвистические и экстралингвистические проблемы современной документации, а также, по возможности, будет продемонстрирован фильм о документации хиналугского языка в 2007 году.

Т. Кудоярова
(ВФ СПбГУ)

***Механизм употребления сокращений *рякуго* в СЯЯ
на примере текстов газеты «Асахи»***

Лексика современного японского языка характеризуется постепенным проникновением сокращений *рякуго* во все стили речи. По употреблению исходной формы лексемы в СЯЯ можно классифицировать: 1) слово встречается лишь в полной форме; 2) употребляемы обе формы; 3) употребляется только *рякуго*. 2-ю группу составляют слова, *рякуго* которых а) употребляется лишь с целью языковой экономии (*то:си синтаку-то:син* «взаимный фонд»), б) встречается циклически, когда обозначаемая проблема вновь приобретает актуальность (*су:па-компю:та:-супакон* «суперкомпьютер»), в) вытесняет полную (*кэйтай дэнва-кэйтай* «сотовый телефон»). Есть слова, г) для которых возможны несколько «временных» *рякуго*, создаваемых автором конкретного текста, д) полная форма которых необходима для разграничения старого и приобретенного значений (*анимэ* «анимэ»-*анимэ:сён* «анимация»).

Процесс вхождения *рякуго* в состав лексики прослеживается на

примере слов типа 2-в (*кэйтай*). Внутриязыковыми и внешними факторами, блокирующими употребление дериватора на разных уровнях, являются стиль, объем текста, положение (в начальном абзаце или далее), лексический состав предложения. Тексты исследуемых нами газетных статей отображают жанрово-стилистические разновидности языка. Рассмотрение примеров *рякуго* в текстах с 1996 по 2006 год показало, что *рякуго* все чаще встречаются в официальной речи, для которой до некоторого времени допустимым было лишь употребление акронимов-названий организаций (например, *ННК*). По мнению Канно К. (1993 г.), *рякуго* в текстах СМИ для облегчения восприятия не используются в начале статьи. Однако исследование показало, что к 2006 году значительно возрастает количество текстов, где *рякуго* употребляется уже в первом абзаце, и лишь затем – полная форма. Иногда полная форма вообще отсутствует.

Употребление *рякуго* вне зависимости от вышеперечисленных факторов свидетельствует о постепенном вытеснении аббревиатурой исходной формы.

В.В.Мызникова
(Уссурийский ГПИ)

К вопросу о выражении форм вежливости в грамматике японского и корейского языков

Одной из ярких особенностей как японского, так и корейского языков считается существование в обоих языках большого количества так называемых форм вежливости.

Формы вежливости – это языковые средства выражения разного рода социальных отношений между говорящим, его собеседником и людьми, о которых идет речь. И.Д. Скорбатьюк говорит о формах вежливости как о специфическом примере организации языковых средств, при котором каждая речевая единица не только передает определенную информацию, но и выражает отношение говорящего к реципиенту или третьему лицу.

Грамматическая форма вежливости существует, прежде всего, в глаголе, а также в спрягаемом прилагательном и связке. Из двух грамматических категорий одна – адрессив – связана с отношением к собеседнику. Другая категория – гоноратив – связана с отношением к субъекту или объекту действия или состояния, обозначенного глаголом.

Корейский и японский язык относятся к алтайской языковой семье. Преобладающий морфологический тип языка – агглютинативный, точнее агглютинативно-флективный, т.е. преобладание агглютинации в именной системе и флективных черт в глагольной.

Типологическая схожесть обусловлена наличием в обоих языках ряда грамматических и лексических сходств. Например, агглютинативность, отсутствие внутренней флексии, отсутствие относительных местоимений, артиклей, союзов, строгий порядок слов, сходства в способах словообразования и т.д.

Проанализировав структуру и особенности гонорифических систем японского и корейского языков, можно сделать следующие выводы.

Гонорифические системы корейского и японского языков во многом схожи: это наличие грамматических средств выражения вежливости, что встречается очень редко в каких-либо других языках; критерии, по которым можно определить, с каким человеком следует использовать те или иные формы вежливости; наличие именных гонорифических суффиксов, специальной вежливой лексики, вежливых и нейтральных форм личных местоимений. Но, тем не менее, есть и различия, которые проявляются на грамматическом уровне.

Важно помнить, что гонорифическая система является неотъемлемой частью речевого этикета корейского и японского языков. Именно этические отношения составляют основу форм вежливости в обоих языках.

В.С.Нишанов
(ВФ СПбГУ)

Современное состояние изучения ягнобского (новосогдийского) языка

За прошедший более чем столетний период изучения ягнобского языка был собран богатейший фактический материал. Опубликованные до сих пор работы дают достаточно полное представление о грамматике и словарном составе языка. Ягнобский язык привлекал и продолжает привлекать внимание исследователей, прежде всего как потомок одного из диалектов языка согдийского. Наиболее полно ягнобская лексика представлена в словаре «Ягнобских текстов» (ЯТ), составленном В.А. Лившицем и А.К. Писарчик. Материал словаря ЯТ основан на росписи текстов, записанных непосредственно в долине реки Ягноб в 1924–1927 годах М.С. Андреевым и Е.М. Пещеревой. Из общего числа лексем, приводимых в словаре ЯТ, около 67% относятся к заимствованиям из таджикского (реже узбекского) языка.

В последнее время и сами ягнобцы предпринимают шаги к изучению и сохранению своего языка. С 1991 г. в Таджикистане действует общество «Эхъёи Ягноб» («Возрождение Ягноба»). Изданы школьные учебники на ягнобском – первые книги на бесписьменном до сих пор языке. Автором учебников и руководителем этого общества является Сайфуддин Мирзозода, сотрудник Института языка и

литературы АН Таджикистана и ягнобец по происхождению. Он же является автором ягнобско-персидского словаря, вышедшего в свет в 1995 г. в Душанбе. Этот словарь также содержит пласт незафиксированной до сих пор лексики, которая в большинстве своем является заимствованием из таджикского языка (в том числе – слова арабского и тюркского происхождения). Помимо этого в Душанбе изданы «Ягнобско-таджикский словарь», «Ягнобско-таджикско-английский словарь», «Грамматика ягнобского языка». Однако безусловным приоритетом является работа с носителями в местах их компактного проживания.

В 1997 году мне в составе экспедиции, руководимой И. М. Стеблин-Каменским, удалось посетить Ягноб. Было обнаружено, что ягнобцы возвращаются на места своего исконного проживания. Более того, они сохраняют и свой язык, и уклад жизни. Записанные материалы не дали по сути открытий в области лексики, более того, стало очевидно, что многие слова, известные в ЯТ, уже неизвестны носителям «ново-ягнобского» языка, однако они дали возможность наблюдать за адаптацией ягнобским языком лексики и синтаксических моделей из «высшего» (таджикского) языка.

Летом прошлого года в Ягнобе работала комплексная лингво-этнографическая экспедиция, организованная Болонским университетом, итальянским институтом Африки и Азии. По сообщению участника экспедиции П. Б. Лурье, ягнобцы продолжают возвращаться на свою родину и сохраняют свой язык, пусть и подвергшийся значительному влиянию языков-соседей.

Таким образом, не подвергается сомнению актуальность изучения языка (прежде всего его лексики) в диахроническом плане, однако на первый план выдвигается проблема функционирования языка в условиях двуязычия (потеря исконной ягнобской (восточно-иранской) лексики и замещение оригинальных синтаксических моделей на таджикские). При этом стоит отметить, что прогнозы о скором исчезновении ягнобского языка пока не сбываются.

О.И.Редькин
(ВФ СПбГУ)

Принципы формирования тезауруса арабского языка по принципу частотности

Эффективный анализ лексического материала предполагает учет таких показателей, как частотность вхождения словоформ и соответствующих им корней в текст и выделение списка приоритетных слов в зависимости от индекса частотности. Были проанализированы

разнохарактерные по стилистике и тематике тексты на арабском языке, как на электронных, так и на бумажных носителях, включающие около 1 млн. слов, а также разработана технология классификации лексики в зависимости от индекса частотности ее вхождения в текст.

Число словоформ, графических дериватов корня весьма велико, что обусловлено развитой системой именной и глагольной морфологии, наличием основных и факультативных вариантов написания.

Так, например, насчитывается 208 графических репрезентаций производных форм слова باب «дверь» (без учета огласовок), а с наличием факультативных вариантов написания, но без учета омографов, соответствующих различным падежам и формам со слитными местоимениями, число дериватов достигает – 121.

Число графических дериватов глагольных форм еще более многочисленно. Так, только с учетом форм действительного залога число форм парадигмы правильного глагола достигает 166.

С учетом производных пород число графических дериватов глаголов может достигать нескольких тысяч, а с учетом факультативных вариантов графической репрезентации более 10000 единиц, например, глагола مَرَّ «двигаться».

Сведение всего спектра графических вариантов арабского слова к исходному позволило определить частотность их вхождения в текст.

Дальнейшим этапом является возведение словоформ к корню, что является условием создания программ машинного перевода.

О.И.Редькин

(ВФ СПбГУ)

Язык и цивилизация

Под цивилизацией понимается социальный континуум на определенном этапе его развития, обладающий определенными атрибутами, как видимыми (архитектура, искусство, инфраструктура, достижения техники, окружающая среда, как искусственная, так и естественная), так и скрытыми (экономические связи, идеология, система человеческих ценностей, определяющая архетипы социального и индивидуального поведения, психология и т.д.) атрибутами. При этом язык понимается как коммуникативная система, служащая для передачи информационных потоков в рамках цивилизации, а также для межкультурного диалога, т.е. как явление социальное, а не только в качестве исключительно лингвистического феномена. Степень социальной значимости языка и сама возможность его использования в качестве средства межкультурного диалога находится в прямой зависимости от степени развития и влияния цивилизации, в рамках

которой он функционирует.

Денотация реалий окружающего мира зависит от отношения говорящего к тем или иным явлениям, является выражением предшествующего, в том числе и коллективного опыта, реализацией моральных ценностей и поведенческих моделей субъектов диалога.

Несмотря на то, что основополагающие моральные, этические и идеологические ценности имеют общечеловеческий характер, в каждой цивилизации они могут варьироваться в их формальном проявлении и вербальной репрезентации. Простое владение языком партнера не является гарантией эффективности диалога.

В.В.Рыбин
(ВФ СПбГУ)

Фонетика и фонология русских заимствований в японском языке

История заимствований иноязычной лексики в японский язык (ЯЯ) уходит в глубь веков. Китайские слова (*КАНЬГО*) начали проникать в ЯЯ на волне прихода буддизма в Японию (VI – VII вв.), оказав некоторое влияние на трансформации в его фонетике.

В средние века через посредство португальцев, испанцев и голландцев в ЯЯ стали попадать заимствования из ряда европейских языков, которые стали называть *ГАЙРАЙГО* («слова, пришедшие извне»). Позже появились заимствования из немецкого и французского. Бурный приток *ГАЙРАЙГО* англо-американского происхождения связан с американской оккупацией Японии после 1945 г.

Заимствования из русского в японском сначала появились в эпоху Мэйдзи (1867–1912 гг.). С тех пор в ЯЯ пришли следующие русские понятия: *ИКУРА* («красная икра»), *УоТОКА* («водка»), *ЦУа:РИ* («царь»), *ТОРОЙКА* («тройка»), *САМОВА:РУ* («самовар»), *САРАФУаНЬ* («сарафан»), *БАРАРАЙКА* («балалайка»), *МАТОРЁ:СИКА* («матрешка»), *БОРУСИТИ* («борщ»), *БОРИСИЭУ”иКИ* («большевики»), *СОБИЭТО* («Советы» как название СССР), *КОРУХО:ДЗУ* («колхоз»), *СОФУХО:ДЗУ* («совхоз»), *РА:ГЭРУ* («лагерь для заключенных»), *СУПУ:ТОНИКУ* («искусственный спутник»), *ДА:ТЯ* («дача»), *ПЭРЭСУТОРОЙКА* («перестройка») и др.

Наши примеры свидетельствуют об устойчивости открытых слогов (СГ) в ЯЯ, о соблюдении правил редукций узких гласных (/i/, /u/) между глухими согласными и перед паузой после глухого, о неразличимости /l/ – /r/, о недопущении стечения разнородных согласных и т. д., причем не

наблюдается жестких правил передачи русского ударения в заимствованиях.

Т.А.Рыженкова (ВФ СПбГУ)

А.В.Добров (ФФИ СПбГУ)

Опыт создания арабско-русского электронного словаря и системы поддержки перевода

Отсутствие в открытом доступе удовлетворяющего потребности переводчика электронного арабско-русского словаря относится к наиболее острым проблемам современной компьютерной лексикографии. В открытом доступе существуют лишь немногие карманные электронные словари и один арабско-русский словарь АБВУ Lingvo объемом менее 10 тысяч словарных статей. Возможности поиска словарной статьи весьма ограничены, так как слова не привязаны к корням и записаны в нестрогом формате. Так, в словаре Lingvo статью можно найти только по начальной форме заголовочного слова без огласовок, причем так называемые «подставки» хамзы, литеры «вав» и «йа» по неясным причинам записываются не всегда.

В открытом доступе нет ни одного арабско-русского электронного словаря, который удовлетворял бы требованиям переводчиков. До сих пор не создана даже электронная версия словаря Х. К. Баранова. Причина состоит прежде всего в том, что арабский шрифт на сегодняшний день качественно не распознается компьютером.

Совместная работа над арабско-русским электронным словарем и системой поддержки перевода ведется более трех лет группой арабистов Восточного факультета СПбГУ и лингвистов Факультета филологии и искусств. Данный словарь не имеет аналогов как по количеству статей (более 40 тысяч), так и по степени совместимости с лингвистическим ПО: все заголовочные слова привязаны к корням и записаны в строгом формате, гарантирующем успешный поиск статьи по любой возможной записи любой формы заголовочного слова. При разработке словаря использовались электронные словари: арабско-английский словарь Тима Бакуолтера, упомянутый выше словарь Lingvo, арабско-немецко-франко-английский словарь Sakhf. Также использовался словарь Баранова и ряд арабско-арабских бумажных словарей.

Представляемый нами словарь является основой для системы поддержки перевода, которая предназначена для работы с электронными текстами на литературном арабском языке. Благодаря встроенному морфосинтаксическому парсеру рассматриваемая система

поддержки перевода не только предоставляет выбор из всех возможных версий разбора каждой из форм с учетом огласовок, но и осуществляет выбор наиболее релевантной версии в зависимости от контекста. Как показывают эксперименты, при помощи данной системы даже человек, не знающий арабского языка, может сделать достаточно качественный перевод.

Р.А.Янсон
(ВФ СПбГУ)

О роли морфемы *sañ* в истории бирманского языка

В современном бирманском языке морфема *sañ* выступает в трех функциях – в качестве показателя настояще-прошедшего времени, в качестве показателя подлежащего и в качестве компонента сложных слов, обозначающих профессию, род занятий, напр.: *ze* ‘рынок’ – *ze-sañ* ‘торговец’, *khaji* ‘дорога, путешествие’ – *khaji-sañ* ‘путешественник’. Все три морфемы являются в современном языке омонимами, однако обращение к древнебирманскому языку позволяет установить их общее происхождение.

В самых ранних древнебирманских текстах встречается лишь морфема *sañ* в форме *asañ*. Она выступает в качестве самостоятельного знаменательного слова со значением ‘человек, лицо’. Однако вскоре в форме *sañ* она начинает употребляться с глаголами, выступающими в функции сказуемого, а затем и с именами, выступающими в функции подлежащего. Таким образом в языке стали возможны предложения, в которых *sañ* выступала одновременно во всех трех функциях. Скажем, предложение ‘Монах видит человека’ формально приобретает вид ‘Монах-лицо лицо (объект) видеть-лицо’.

Конструкция *V-sañ* в функции сказуемого стала употребляться параллельно с традиционной конструкцией *V-i*, которая выступала в функции финитной формы со значением настояще-прошедшего времени и в которой морфема *-i* являлась чисто грамматическим показателем. Иными словами, в языке появилась конструкция, структурно представлявшая собой субстантивированный глагол, которая функционально сблизилась с чисто глагольной конструкцией.

Появлению данной конструкции бирманский язык обязан пали. В бирманском языке нет причастий, которые широко представлены в пали. При неоднократно отмечавшемся в литературе восторженном отношении бирманцев к пали данное обстоятельство было воспринято как недостаток родного языка. В результате в языке появилось несколько новых конструкций, представлявших собой сочетание

глагола с какой-либо именной лексемой и предназначенных для передачи палийских причастий в разных функциях. Одна из функций палийских причастий – сказуемое, и форма *V-sai* стала использоваться в этой функции параллельно с собственно бирманской формой *V-i*.

В пали сказуемое согласуется с подлежащим по роду и числу, в бирманском реально никаких обязательных согласований внутри высказываний нет. Введя в свой язык ‘пализированный’ вариант сказуемого, бирманцы сочли необходимым быть последовательными до конца и стали отражать согласование между подлежащим и сказуемым, добавляя морфему *sai* к подлежащему. Вероятно, на первых порах именная семантика морфемы *sai* во всех употреблениях была ощутимой, однако для современного бирманца все три морфемы представляются очевидными омонимами.

Яфия Юсиф Джамиль
(ВФ СПбГУ)

Сленговые слова и выражения в современном багдадском диалекте

Сленгом (или жаргоном) называется определенный слой разговорной лексики. Сленг состоит из слов либо устойчивых выражений, которые первоначально возникли в отдельных социальных группах и отражают их ценностную ориентацию. Переходя в категорию общепотребительных, подобные слова и выражения, как правило, сохраняют эмоционально-оценочный характер. Отдельные элементы сленга быстро выходят из употребления. Другие его элементы могут войти в литературный язык и приобрести новый статус.

В современном багдадском диалекте наблюдается появление целого ряда новых сленговых слов и выражений, связанных с нестабильной внутривосточной обстановкой в стране. Лексика подобного рода может быть условно разделена на группы. К первой группе относятся слова, образованные по форме ломанного множественного числа (форма *fa‘‘āla*) от глагольных корней, используемых в иракском диалекте. Например: от глагола *uma* (*схватить*) образовалось слово *amā a*, означающее *воров-карманников*; от *‘ilas* (*жевать*) появилась форма *‘allāsa* (*похитители людей, знакомые со своими жертвами*); от *akka* (*сильно ударить*) была образована форма *akkāka* (*похитители людей, не знакомые ранее со своими жертвами*). От лексем подобного рода могут быть образованы формы единственного числа по модели *fa‘‘āl* (*amā* и др.).

Ко второй группе относятся слова, образованные от глагольных

корней, существующих в литературном языке также по одной из форм ломанного множественного числа – *fawā'īl*. Например: от глагола *asama* (*завершить дело*) образовалось слово *awāsim*, означающее *воров-мародеров*. В качестве эпитета к названию последней войны в Ираке также используется устойчивое выражение *'umm 'il- awāsim* (досл. *мать мародеров*). Форма единственного числа от подобных сленговых слов не образуется.

В третью группу входят слова, заимствованные из других языков и получившие в багдадском сленге новое значение. Например: *māstāw* образовано от курдских слов *māst* (*кефир*) и *āw* (*вода*). Используется по отношению к *человеку-лицемеру* и *подхалиму*. Устойчивое выражение *tōr-glōb*, означающее *все хорошо*, появилось благодаря заимствованному из английского языка слову *top* (*вершина*), а вторая часть *glōb* (*лампа*) была добавлена в качестве рифмы.

К четвертой группе относятся слова, существующие в арабском литературном языке, но получившие в сленге новое значение помимо основного. Например: *waraqa* (*лист бумаги*) означает купюру в сто долларов, *šadda* (*связка*) и *daftar* (*тетрадь*) означают десять тысяч долларов, однако, первое используется в коммерческой среде, а второе носит негативный оттенок. Слово *adīqa* (*сад, парк*) получило значение *безработный*, т.к. опустошенные во время войны сады вызывали ассоциации с людьми, не имеющими работу.

Barno Avezova
(State Classical Academy, Moscow)
The Structural and Semantic analysis
of English, Tajik, Hindi and Russian idioms

In the work presented here we examine only the idioms of these languages with somatic "heart". The reason of wide use of these idioms is the words *heart* (English), *dil* (Tajik), *hriday* (Hindi) and *serdtse* (Russian) are polysemic. In formation of the idioms are not used equally the meanings of the words. However, the first meaning plays a decisive role. Using these idioms we can describe all over the world: senses; inner feelings; description of personality, nature, character; characterize the man's behavior, appearance of the person; heartfelt suffering.

These idioms are grouped into groups based on these meanings. The phenomena, things and senses are reflected or included in the idioms, that are associated with national traditions and customs of people. For example: English *chicken-hearted*; Tajik *odami buzdil* [literal translation *a goat-hearted man*], *buzdil budan* [lit. transl. *to be goat-hearted*]; Hindi *buzdil aadmii* [lit. transl. *a goat-hearted man*], *buzdil hona* [lit. transl. *to be a goat-hearted*];

Russian *zayachya dusha* [lit. transl. *hare's soul*]. Each of the personages is a symbol of cowardice of the peoples. However, in these languages are used idioms with the word 'leon' to say 'brave': E.*leon –hearted*; T. *sherdil* [*heart of leon*]; H. *sherdil* [*heart of leon*]; R. *lvinnoye serdtse* [*heart of leon*]. The given idioms of these languages are provided with literal translation and comments on etymology, contexts and various possibilities of their use. This analysis demonstrates that components 'heart' (E) , 'dil' (T) , 'hriday' (H), and 'serdtse' (R) are often replaced by words *soul, spirit* (E), *jigar, jon, qalb* (T), *hriday, kaleja, jigar, jaan, ant, man, pran, dil* (H) and *dusha* (R).

The expressions are illustrated by several examples. This is done to show the possibility of various translations of the expression or to illustrate its variability. These variants differ in their grammatical form and word order. Their lexical composition partially coincides. In the paper are given lexical, syntactical and morphological variants. Among them are given their phraseological series. The results of the comparison investigation of these languages idioms demonstrated that they are similar in shape and in semantic. Depending on it they were divided into groups.

Parallel idioms of the languages were investigated too. 1. E. *To break the heart of...* T. *Dil shikastan*. H. *Jii tornaa*. R. *Razbit serdse*; 2. E. *A broken heart*. T. *Dili shikasta*. H. *Tuute kajejaa kaa*. R. *Razbitoe serdse*; 3. E. *Heart-broken*. T. *Shikasti dil*. H. *Tuute hriday kaa*. R. *S razbitim serdsem*; E. *One's heart is broken*. T. *Dili kase pora-pora budan, shudan*, H. *Hriday ke tukre-tukre karnaa yaa honaa, kalejaa tukre - tukre honaa*. R. *Chyo-libo serdtse razbito*.

The examples are cited from original sources: modern English , Tajik, Hindi and Russian prose, plays, films, mass media material, as well as our conversations with native speakers and linguistic observations.